

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

М.А. ДЕРЯБИНА

Горизонтальные связи и сетевая координация в современной экономике

В статье анализируется усиление горизонтальных связей в обществе и экономике в условиях постиндустриального развития. Обосновывается возникновение сетевого способа рыночной координации и разветвленных сетевых отношений в экономике, их воздействие на организацию и управление. Показана значимость “отношенческих” связей в процессах формирования индивидуальных, коллективных и общественных интересов, а также необходимость включения сетевых форм координации в парадигму теоретического анализа. Делается вывод о неизбежности модификации экономической методологии социального либерализма под воздействием сетевых форм организации общественной, политической и экономической активности.

Ключевые слова: постиндустриальная экономика, горизонтальные связи, сетевая рыночная координация, сетевые сообщества, партнерство, интересы социальной целостности, сетевое согласование интересов, сетевое социальное взаимодействие.

The paper analyzes the enhancement of horizontal connections in society and economy in the conditions of post-industrial development. The occurrence of a network mode of market coordination and branched network of relations in the economy, their impact on the organization and management are analyzed. The importance of “attitudinal” relationships in the formation of individual, collective and public interests and the need for inclusion of network forms of coordination in the paradigm of the theoretical analysis are discussed. The conclusion of the inevitability of economic methodology modification of social liberalism under the influence of network forms of organization of social, political, and economic activity is made.

Keywords: post-industrial economy, horizontal communication, network market coordination, networking community, partnership, interests, social integrity, network coordination of interests, net of social interaction.

Теория либерализма и реалии постиндустриальной экономики

Научное обсуждение проблем социального либерализма сейчас особенно актуально, ибо критические переоценки грозят девальвировать многолетние обширные работы либерального мейнстрима. В сегодняшнем многоголосье желательно не только найти некие точки опоры для конструктивного осмысления реальности и дальнейшего теоретического продвижения, но и понять, почему же научная мысль десятилетиями билась в методологических тисках – индивидуализм или коллективизм? Книги и

Дерябина Марина Александровна – кандидат экономических наук, заведующая сектором Института экономики РАН.

статьи А. Рубинштейна последних лет, содержащие, как правило, фундаментальный анализ обширной теоретической литературы (начиная с трудов по концепции экономической социодинамики, теории опекаемых благ и вплоть до самых свежих статей и докладов), закономерно подводят читателя к пониманию главных смыслов социального либерализма. Поэтому обозначенная в обсуждаемой статье склонность автора к “реляционной методологии” [Рубинштейн, 2012, с. 20] никак не является результатом примиренческого поиска чего-то среднего в теоретическом дискурсе, а есть сознательная позиция, призванная стать эффективным рабочим методом.

Несколько слов о теоретическом дискурсе. При всем многообразии и тонкостях подходов, сопровождавших исторически длительный процесс развития теоретической экономической, социологической и философской мысли, речь так или иначе всегда велась о “двух институционально разных средах”, в которых формируются интересы социальной целостности и индивидуумов – политической и рыночной [Рубинштейн, 2012, с. 22]. Теоретически важно также, что индивидуумы не только рационально действуют в имманентной рыночной институциональной среде, но активно участвуют в функционировании рыночной ветви формирования общественного интереса. (Не забывать при этом, что общественные интересы системно трактуются автором как несводимые к сумме интересов индивидуумов.)

Вместе с тем даже весьма высокий уровень такой активности не может обеспечить реализацию всех интересов, прежде всего интересов общества в целом. А эти интересы, отличные от индивидуальных и их совокупности, требуют своей институциональной среды – политической. Тут (и, наверное, только тут) и возникает фигура государства, ответственного за эту институциональную среду. Таким образом, “родовые свойства” экономической методологии социального либерализма автор видит в допущении как частной инициативы, так и государственной активности, соответственно обеспечивающих реализацию интересов индивидуумов и общества в целом [Рубинштейн, 2012, с. 15]. Остается только понять природу общественного интереса и пределы обусловливаемой им государственной активности. И ответить на вопрос – меняется ли эта природа и, соответственно, роль государства в ходе экономического и социального развития или же “родовые свойства” остаются неизменными?

Забегая вперед и предваряя методологические размышления над концепцией автора, ответу – да, меняется. И суть происходящих перемен заключается не в соотношении аргументов за или против социального либерализма как научной парадигмы, а в смысле и масштабности тех изменений, которые происходят в современном обществе и в экономике. Отмечу, не боясь громких фраз, что мировая экономика переходит в качественно новое состояние, когда одних привычных характеристик типа “правильных” макроэкономических показателей, активной международной торговли и обмена потоками капитала уже явно недостаточно для адекватного понимания прогресса. Мир движется в сторону свободного оборота новых идей и технологий, гибкого, оперативного и беспрепятственного партнерства по интересам, независимо от географического положения, сферы административного подчинения, масштабов и специфики предпринимательской деятельности. Все достойные внимания современные стратегические инициативы требуют объединения не только финансовых усилий и ресурсов возможных участников, но в первую очередь интеллектуальных, высокотехнологических, профессиональных. Понятно, что современная экономическая теория стремится освоить постиндустриальную систему понятий, выявляя и объясняя новации утверждающегося способа производства и соответствующей ему научной парадигмы.

Одной из важнейших новых тенденций стало усиление горизонтальных связей в экономике и обществе. Сами по себе эти связи существовали в том или ином виде всегда, подкрепляя и подтверждая доминирующие способы общественной и рыночной координации. В постиндустриальном экономическом укладе они стремительно оформляются в разветвленные сетевые отношения, придавая сетевой характер не только новым отраслям, но и всей экономике. Это должна уловить и осмыслить экономическая теория. Обобщенно можно утверждать, что к известным из неокласси-

ки и неинституционализма способам экономической координации – через ценовой механизм рыночного обмена и иерархический механизм административных команд – в современной экономике добавляются новые, основанные на “отношенческих” связях¹. “Отношенческий”, или сетевой, способ координации рыночных связей все более настойчиво реализуется в качестве основы организационных форм инновационной экономики. Он оказывает влияние и на организацию традиционных отраслей. Сетевой принцип организации, в отличие от иерархического (в рамках фирмы) и договорного (на основе ценового обмена), отвечает на запросы качественно нового процесса формирования экономической политики и принятия управленческих решений на уровне государственного руководства и отдельных корпораций. Встраивание в систему координации “сетевого” звена неизбежно связано с переходом от жесткой административной иерархии к более гибкой управленческой модели, основанной на сочетании традиционных координационных сигналов с дополняющими их широкими горизонтальными взаимодействиями.

Возвращаясь к вопросу о социальном либерализме как научной парадигме, попробуем увидеть те новые методологические нюансы, которые несут с собой изменения в организации общественного и экономического развития. При этом имеет смысл придерживаться той структуризации проблемы, которую Рубинштейн избрал для своего теоретического анализа. Тем более что он сам указывает на существование “трех ключевых вопросов” [Рубинштейн, 2012, с. 15–16], определяющих контуры методологического поиска.

Дилемма “индивидуализм–холизм” определяет методологические рамки этого авторского поиска, предполагающего решительный отказ от радикализации методологического индивидуализма в пользу расширения возможностей социального анализа и движения в сторону социального либерализма. Отмежевавшись тем самым от грубого, взаимоисключающего противопоставления, Рубинштейн вступает в область увлекательных нюансов множества возможных промежуточных состояний. При этом, анализируя обширную научную литературу, он ссылается на ряд весьма важных методологических замечаний, которые, вольно или невольно, подводят его к признанию реальностей времени. Не будучи апологетом ни групповых (коллективных) интересов в отличие от более высоких общественных, ни создаваемых группами индивидуумов институтов, он, по существу, все-таки очень близко подходит к реальной “отношенческой” сложности взаимодействия индивидуумов и социума. Выделю наиболее характерные положения:

– при усложнении связей между людьми сами институты генерируют специфические интересы отдельных общностей индивидуумов и общества в целом [Рубинштейн, 2012, с. 17];

– современная исследовательская методология базируется на синтезе микро- и макросоциологических подходов без принудительного выбора одного из них. В этом случае возможность взаимодополнения и взаимообогащения способствуют прогрессу экономической методологии социального либерализма [Рубинштейн, 2012, с. 18];

– правильно сориентироваться в дилемме “индивидуализм–холизм” можно только через преодоление искусственной атомизации общества (абсолютизация индивидуализма), в результате чего допускаются макросоциологические переменные в поведении индивидуума. Более того, в ряде случаев макросоциологические и макроэкономические характеристики невозможно свести к действиям индивидуумов [Рубинштейн, 2012, с. 19];

– суть реляционной методологии, к которой склоняется Рубинштейн, базируется на признании множества уровней исследования общества и человеческих реальностей (иными словами, предметом исследования выступают различные аспекты реального

---

¹ Об “отношенческом” типе организационно-хозяйственных связей, ссылаясь на теорию Я. Макнейла по классификации концепций рыночных контрактов [Maspeil, 1978], писал еще О. Уильямсон [Уильямсон, 1996].

бытия социума и индивидуума) [Рубинштейн, 2012, с. 20]. При этом индивидуальное поведение может быть обусловлено общественными факторами, и напротив, объяснить процессы в рамках коллективов методологически возможно через индивидуальное поведение. В этой методологической конструкции находится место и системным институтам, в структуру которых вписываются индивидуумы.

К сказанному нужно добавить, что подобный широкий подход к исследованию дилеммы “индивидуализм–холизм” сформировался, как отмечает Рубинштейн, на рубеже XX–XXI вв., когда свои требования к научному анализу предъявили реальности постиндустриальной экономики². Следует, однако, сразу оговориться, что эти реальности не отменяют накопленного опыта человеческих и общественных взаимодействий и его теоретического осмысления, а дополняют и, возможно, частично модифицируют его. Как в свое время модифицировался индивидуализм под воздействием макроэкономического подхода, с одной стороны, и модели централизованно управляемого общества (социализм) – с другой.

Дилемма “индивидуализм–холизм” и в постиндустриальных условиях не утрачивает своего смысла, выдвигая на передний план теоретического анализа новые аспекты. Прежде чем выявить эти аспекты, необходимо уяснить те взаимосвязи теоретических традиций, которые делают непрерывным всеобщий процесс накопления знания, создают единую когнитивную ткань, в которую закономерно вплетается все разнообразие методологических подходов. Если именно так подходить к сравнительному анализу этих подходов, то возможно снять или существенно смягчить теоретические противостояния. И тогда сравнительный анализ основных подходов, порождающих дилемму, можно направить на поиск познавательного прогресса.

Получаем следующее. В неоклассической теоретической парадигме единицей анализа выступает индивид. В неоинституциональной – институт. Но в том-то и дело, что институты не представляют собой некоей самоценности, а организуют взаимоотношения между людьми (по Д. Норт), то есть являются ограничительными рамками для принятия решений индивидов [Шаститко, 1996]. Можно, таким образом, сказать, что и существуют институты только благодаря посреднической деятельности индивидов, то есть требуют “активных функционеров” [Бхаскар, 1991]. И так, с одной стороны, экономическое пространство составляют индивиды и их действия, с другой – действия индивидов всегда имеют некую институциональную форму. Но даже признавая неразрывность индивидов и структурирующих их действия институтов, выводить одно из другого невозможно³. Поэтому ни общество с его интересами, ни индивидов с их индивидуальными действиями и интересами невозможно объяснять и обосновывать друг из друга, а также пытаться выстроить какую-либо иерархию их взаимоотношений. А это значит, что нельзя и отдать предпочтение ни методологическому индивидуализму, ни методологическому холизму в качестве единственной теоретической парадигмы.

Сетевые отношения как новый тренд в методологии научного анализа

Осмысливая особенности постиндустриальной общественной и рыночной координации, можно продолжить цепочку понятий как единиц научного анализа. В экономике, базирующейся на системе горизонтальных (сетевых) взаимодействий, такой единицей являются отношения. Упоминаясь выше “отношенческая” координация не только не отменяет научного аппарата предшествующих теоретических парадигм, но опирается на них в дальнейшем накоплении научного знания.

---

² В свое время перед не менее значимым философским рубежом оказались французские энциклопедисты, расширившие значение понятия индивидуализма путем введения для него своего рода общественного масштаба. Это чутко уловил Ф. Хайек, разделивший индивидуалистическую традицию на “истинную” и “ложную” [Хайек, 2011].

³ Дж. Ходжсон, анализируя взаимодействие институтов и индивидов, ссылается на позицию автора “теории структуризации” Э. Гидденса, утверждавшего, что ни один из элементов этой пары (индивидуальный агент и социальная структура) не обладает онтологическим или аналитическим приоритетом [Ходжсон, 2008; Giddens, 1982].

Будучи инновационной по своей природе, сетевая экономика базируется на скоординированном управлении развитием больших и малых научно-производственных систем, на партнерском взаимодействии индивидов, фирм и других “функционалов”, связанных общими интересами и действующих на принципах взаимодополняемости [Катуков, Малыгин, Смородинская, 2012; Porter, 1998]. Прорывные научные проблемы и инвестиционные проекты в современной экономике могут подтверждаться и реализовываться только в партнерстве. Возникает сотрудничество (*collaboration*) заинтересованных агентов, объединенных горизонтальными связями и поддерживающих постоянное сетевое взаимодействие. Координация этих процессов не может осуществляться ни в рамках традиционных иерархий крупных корпораций, ни в форме простого ценового обмена. При этом именно возможности крупных компаний могут обеспечить соответствующим ресурсом новые научные идеи и создать для них необходимые платформы. Возникают гибкие, часто неформальные, взаимоотношения между агентами разного рода и масштаба. Необходимость свести в едином процессе создания инноваций усилия многих людей, научных дисциплин, носителей самых различных ресурсов, в том числе и ресурсов знаний, порождает особые формы рыночной координации – сетевые.

Сетевые сообщества интенсивно разрастаются в сфере человеческого и институционального взаимодействия. Социальные сети с их саморегулированием и отсутствием иерархического подчинения стали своего рода горизонтальными структурами общественной жизни. Партнерство, взаимопомощь, участие, на которых строятся сетевые общественные отношения, создают особые условия и формы обмена знаниями и другими ресурсами, необходимыми для решения самых разнообразных, и не только экономических, задач [Инновационное... 2009]. Нередко именно в процессе сетевого взаимодействия находятся решения, невозможные в рамках как классической ценовой рыночной координации, так и административных команд. Участники сетевых сообществ, объединенные общим мировоззрением, сохраняют возможность преследовать собственные цели и при этом использовать поддержку, знания, связи и другие преимущества широкого круга партнеров динамично развивающейся и постоянно меняющейся сети [Nuxham, 2003]. Таким образом, сетевая социальная среда и сетевая экономика поддерживают и укрепляют друг друга, создавая широкую основу для развития горизонтальных связей.

В постиндустриальной экономике с появлением горизонтально-сетевых связей и партнерских отношений рыночной координации формируется новая институциональная среда. Сети индивидуумов и организаций связаны общими интересами, а координация их действий, рыночные контакты по согласованию и реализации этих интересов осуществляются не на основе ценовых сигналов или иерархических команд, а напрямую в онлайн-режиме партнерских взаимодействий. Современные IT-технологии делают реальной прямую кооперацию производителя и потребителя, прямое согласование интересов и разрешение возможных противоречий [Смородинская, 2011; Tarpcott, Williams, 2007]⁴.

Эта особая, принципиально новая институциональная среда образует специфическое инновационное пространство как пространство взаимопонимания и консенсуса. И такие, казалось бы, неэкономические понятия, как партнерство и сотрудничество, обретают понятные организационные и управленческие характеристики. Инновационное пространство структурируется как ряд взаимосвязанных сегментов сети, или сетевых пространств⁵. Формируются элементы нового организационного строя реаль-

⁴ Самоценность такой формы координации подчеркивается в литературе терминами “координация без иерархии” и “партнерское управление” (*collaborative governance*) [Hasumi, 2007; Andersson... 2004].

⁵ Процесс инициируется появлением определенного научного знания – знаменитый “научный фонтан”. Затем на основе обильной сетевой информации выявляются возможные заинтересованные организации, и формируется сегмент консенсуса и кооперации потенциальных участников инновационной сети. И уже на этой основе организации – члены сети, опираясь на опыт, знания и ресурсы друг друга, формируют сегмент реализации инноваций [Blank... 2006].

ного и других секторов экономики, который несет с собой новое качество, способ функционирования и взаимодействия агентов. Открываются границы фирм, рынков, любых форм организаций, сетевые связи нередко становятся более приоритетными в иерархии ценностей предпринимательской деятельности (в сравнении с традиционными неоклассическими).

Институциональная среда постиндустриальной экономики характеризуется синхронизацией развития и объединением в непрерывную динамичную цепь трех ранее институционально и организационно обособленных систем – государства, частного бизнеса и науки [Дежина, Киселева, 2008]⁶. В индустриальной экономике производством новых знаний традиционно занималась наука (академии и университеты), инновации были сферой активности реальных корпораций, а государство отвечало за создание благоприятных условий деятельности и науки, и бизнеса. Существовали, пусть не очень эффективные, механизмы формализации и согласования их интересов. В постиндустриальной экономике наука, оставаясь производителем знаний, включается во внедренческую деятельность, а государство, помимо создания необходимых правовых институтов, отчасти принимает на себя функцию финансирования (прежде всего венчурного). Таким образом, все три фигуранта выполняют уже более сложные, параллельные, переплетающиеся функции. Понятно, что решение задач современного масштаба и сложности невозможно в рамках свойственного индустриальной экономике разделения институциональных пространств. В систему принятия стратегических решений включаются не только представители власти, но также бизнеса и науки. И только на основе интеграции и партнерства всех трех институциональных сегментов возможно обеспечить решение ряда макро- и микроэкономических задач. Необходимо обосновать и организовать проведение государственной политики, прямо направленной на создание инновационной экономики, выработать и включить механизмы коммерциализации знаний, обеспечить доступ к запасам знаний для всех заинтересованных субъектов общества и экономики. Отношения между названными институциональными сегментами не могут строиться ни на принципах административных управленческих команд, ни на основе ценовых рыночных сигналов, а неизбежно принимают форму сетевой координации.

Сетевая координация и концепция социального либерализма

Длинный экскурс в постиндустриальные тренды, казалось бы, весьма далекий от теории социального либерализма, представляется необходимым для ответа на вопрос о “родовых свойствах” и возможной модификации его экономической методологии. В анализе дилеммы “индивидуализм–холизм” (во всяком случае, в научной литературе по этой теме) основной акцент обычно делается на антагонизм, взаимоисключающую противоречивость исходных понятий. Система аргументов в анализе основ социальных образований строится по принципу “или–или” даже тогда, когда простой здравый смысл требует каких-то компромиссов, более сложных решений. В этой связи реляционная методология, к которой склоняется Рубинштейн, подсказывает возможное конструктивное направление поиска. Однако, понимая, что экономическая методология социального либерализма может быть только реляционной, он круто сворачивает к своей давней концепции несводимости предпочтений и интересов социальных целостностей к предпочтениям и интересам составляющих индивидуумов [Рубинштейн, 2012, с. 20]. Между тем еще в первых работах по экономической социодинамике содержались не очень пространные, но содержательные фрагменты о природе и значении коллективных интересов [Гринберг, Рубинштейн, 2000]. Они не получили,

---

⁶ Объединение потенциала государственного управления, инновационных возможностей науки и предпринимательского вектора бизнеса стало устойчивым трендом не только в развитых странах, но и активно осваивается быстро развивающимися экономиками на всех континентах. С конца прошлого века одной из важнейших концептуальных парадигм постиндустриального развития стала так называемая теория “тройной спирали” (ТС) [Сморodinская, 2011].

к сожалению, дальнейшего развития как не работающие на любимую идею несводимости. А экономические реалии двадцатилетней давности действительно особо и не фиксировали внимание теоретиков на “отношенческой” проблематике.

Антагонизм “индивидуализма–хололизма” практически исключает промежуточные формы интеграции интересов, неограниченное множество которых может стоять за понятием коллективного интереса. При этом исследователи проблемы, конечно, никогда не оспаривали сам факт значимости реально существующих социальных образований – коллективов, организаций, общественных групп и прочих форм интеграции индивидов. Однако “индивидуалисты” все-таки считают, что даже самые сложные общественные институты и явления могут быть поняты только через анализ индивидуальных действий [Мизес, 1999]. А первым опытом реляционной методологии, наверное, был марксизм, попытавшийся именно устойчивые отношения сделать предметом анализа и трактовать общество как совокупность связей и отношений, в которых индивиды находятся друг с другом.

Вернемся к основополагающей идее Рубинштейна о несводимости. Признавая в принципе правомочность, “там, где это возможно”, выводить общественные предпочтения из предпочтений индивидуумов, Рубинштейн сосредоточивается на “иных законах” формирования интересов социума [Рубинштейн, 2012, с. 20]. Получается весьма изящная, логичная и до известной степени убедительная картина. Агрегат индивидуальных предпочтений формируется в рыночной институциональной среде, а предпочтения общества как такового определяются посредством институтов политической системы. Обе группы интересов существуют параллельно, в различных институциональных средах, но взаимно дополняют и поддерживают друг друга. При этом “нормативные интересы социума”, формируемые политической ветвью, ставятся в зависимость от меры развитости общества. Рубинштейн убежден, что именно нормативные интересы “вбирают в себя весь спектр общественных предпочтений” – социальные установки и ценности, этические нормы, идеи справедливости и целесообразности. Понимая, что само по себе такое утверждение не может быть достаточным, он говорит о механизмах политической ветви формирования интересов общества как такового и “институциональном лифте” для этих интересов – пассионариях, прогрессивных СМИ, общественных движениях и партиях [Рубинштейн, 2012, с. 21–22].

Безусловно, это рассуждение подтверждает и заметно развивает теоретическую традицию неоклассики. И наверное, казалось бы безупречным, если бы не упомянутые нами современные тренды общественного и экономического развития. А суть в том, что в неоклассической традиции интересы индивидуумов и интересы социальной целостности живут своей отдельной жизнью – по-разному идентифицируются, функционируют, агрегируются, конфликтуют. Отсюда и две институциональные среды, и две институциональные ветви формирования интересов. Картина постепенно меняется по мере усиления горизонтальной сетевой координации. Повторяюсь, сами по себе горизонтальные связи существовали всегда, однако их сегодняшняя роль вносит необратимые качественные изменения в социальную и экономическую (рыночную) координацию. Представляется, что пока это только развитие и частичная модификация основных действующих трендов. Однако процессы развиваются очень быстро, и можно уверенно прогнозировать в ближайшие десятилетия (если не годы) становление сетевой кооперации и сетевых взаимодействий в качестве одной из определяющих парадигм общественного и экономического развития с соответствующим фундаментальным теоретическим обоснованием [Катуков, Малыгин, Смородинская, 2012].

Для целей нашей дискуссии широкий анализ постиндустриального уклада был бы излишним, да и неподъемным. Поэтому ограничусь некоторыми соображениями, непосредственно касающимися смысла и механизмов реализации теоретических посылов социального либерализма. Речь прежде всего пойдет об особенностях становления постиндустриальной рыночной координации и формах государственной активности. Ведь именно они так или иначе оказались определяющими в научном арсенале Рубинштейна и его реляционной методологии.

Вернемся к цепочке теоретических понятий как единиц научного анализа. “Отношенческий” аспект социальных и экономических связей оказывается при этом в центре внимания. Если в качестве предмета теоретического анализа взять именно отношения, то возникает совершенно иной взгляд на многие аспекты общественной и экономической жизни, а также на понятийный научный аппарат. Попробую показать “отношенческий” аспект по тем институциональным средам, о которых пишет Рубинштейн.

Прежде всего это рыночное институциональное пространство. Тезис об однозначности рыночного выбора, субъективности предпочтений и, соответственно, интересов индивидуумов в теориях мейнстрима в той или иной степени уже подвергался коррекции [Ольсевич, 2013]. В этом смысле интересен анализ разницы понятий предпочтений и выбора в рамках рыночного поведения агентов [Hausman, 2011]. Оказывается, между этими двумя базовыми понятиями стоит опосредующее их в качестве самостоятельного фактора понятие “мнение”, в свою очередь зависящее от получаемой агентом информации. Критика мейнстрима развивалась главным образом в направлении асимметричности информации и ограниченной рациональности. Но если учесть в анализе опосредующее понятие “мнение”, то это подводит уже к аспекту отношений. “Мнение” толкает агента к поиску уточняющей информации, выявлению тех агентов, которые имеют сходное “мнение” (как и противоположное), а значит, к координации рыночного поведения не только на основе ценовой информации, а в системе тех или иных отношений.

В постиндустриальной экономике происходит бурное развитие цифровых технологий, позволяющих агентам переходить в интерактивный режим деловых контактов, на прямые кооперационные связи. При этом получать информацию о производителях, потребителях и других партнерах по производственно-хозяйственной кооперационной сети, об их предпочтениях и интересах можно напрямую, в онлайн-режиме, непосредственно передавая друг другу необходимые данные, быстро и оперативно согласовывая действия и находя компромиссные решения. Еще более широкие информационные возможности дают базы данных интернет-компаний. Главное заключается в том, что принимать решения можно не по стандартным рыночным критериям, а исходя из сетевых возможностей согласования интересов, минуя или даже при необходимости нарушая ценовые рыночные сигналы. Отношенческая сетевая координация получает новую информационно-технологическую основу и новый, более разнообразный круг участников.

При этом предпочтения индивидуумов могут агрегироваться совершенно иначе, нежели на традиционном рынке. Повторюсь еще раз – сети, неформальные отношенческие образования существовали и раньше, однако теперь им есть на что опереться при поиске вариантов. Деловые отношения могут быть оформлены, как и прежде, через стандартные контракты (двухсторонние или более сложные). А могут быть сетевыми, то есть базироваться на конкретных согласованиях временных индивидуальных интересов, формальных и неформальных. Один и тот же агент имеет возможность реализовать свои интересы в составе многих различных сетевых переплетений, причем с различной степенью правовой жесткости. При таком раскладе в сферу согласуемых интересов попадают не только специфические деловые цели, но и то, что, собственно, и экономическим, рыночным интересом названо быть не может. Опыт ряда сетевых образований (например, итальянских кластеров) свидетельствует о возможности успешного решения задач социального, культурного, образовательного развития. Нередко решать эти задачи приходится во взаимодействии с властными структурами, активно включающимися не только в финансирование, но и в совместное с участниками сетей нахождение и определение параметров этих задач. И в таком случае, видимо, не всегда просто разделить сводимые и несводимые интересы социальных общностей, а также рыночную и политическую (возможно, также социокультурную) ветвь их институализации. Борьба за влияние на общество между бизнесом и государством еще только разворачивается [Майклгуэйт, Вулдридж, 2010].

Теперь несколько слов об общественном и государственном институциональном пространстве. Одним из определяющих факторов развития сетевой рыночной координации стало формирование сетевого общества, то есть становление широкомасштабных сетевых социальных взаимодействий. Социальные сети стали тем цементирующим связующим звеном, которое обеспечивает в современном обществе формирование общих, понятных целей и использование общих и понятных средств их реализации. Возможность быстро мобилизовать участников социальной сети для совместных действий создает условия реализации как общих для всех целей, так и отдельных, индивидуальных. При этом все участники получают быстрый доступ к необходимой информации и стимул активно обмениваться ею [Nuxham, 2003]⁷.

Сетевые отношения по самой своей природе призваны выявлять и институционализировать потребности, предпочтения и интересы не только отдельных индивидуумов, но и их интегрированных групп разного масштаба. Сети разнообразны и решают для своих участников разные типы задач. По характеру этих задач и степени интегрированности участников различают предпринимательские (деловые) сети, сети поддержки (круг хорошо знакомых лиц и организаций), иерархические сети (использование контактов более опытных и авторитетных участников сети новыми членами) [Инновационное... 2009]. Под воздействием сетевых связей постепенно меняется структура самосознания общества и многие общественные отношения. Это не может не затрагивать в том числе и интересы общества как социальной целостности (несводимые), и механизмы их формирования.

Было бы совсем неверно расценивать бурно развивающиеся социально-сетевые отношения только как позитивное явление. Уже на начальном этапе формирования сетевой организации общества и экономики становятся очевидными ее возможные негативные стороны. Конструктивные решения требуют более совершенной организации, чем спонтанное сетевое взаимодействие. Требуется также определенная зрелость и готовность к сотрудничеству большей части звеньев сетей, нацеленность на развитие и прогресс, а не только на оппонирование власти. Самая большая опасность заключается в том, что сети могут подавлять и спонтанно вытеснять из своей среды несогласных с большинством. А ими как раз могут оказаться те самые пассионарии, которые раньше и лучше других распознают критические проблемы социума [Рубинштейн, 2012, с. 21–23].

В сетевой парадигме в корне меняются место и функции государства. Привычный тезис о сокращении масштабов и роли государства, в том числе в экономике, уже явно недостаточен. Эта роль меняется в принципе. Дело не в том, больше или меньше государство регулирует экономику, более или менее жестки создаваемые им рамки предпринимательской деятельности. И даже не в том, что иерархическое бюрократическое государство не справляется в должной мере с теми задачами, которые ему ставит общество. Смысл современных сдвигов заключается в том, что выросло и укрепилось мощное сообщество сотрудничающих частных компаний, научных и образовательных организаций, профессиональных объединений, различного уровня политических структур и различного уровня общественных организаций. Всех агентов этого сообщества объединяют не властные отношения, не субординация, а социальное взаимодействие и партнерские отношения [Дракер, 2010; Смородинская, 2012]⁸. Возникает понятие так называемого функционального плюрализма, базирующегося на

---

⁷ Вот типичный пример. Когда писалась эта статья, как раз разворачивались события вокруг процесса над А. Навальным по “Кировлесу”. Через социальные сети были очень быстро мобилизованы и соответствующим образом настроены десятки тысяч граждан, вышедших на митинг протеста. Мотивировка, полученная из информации социальных сетей, оказалась намного сильнее официальной.

⁸ Многие авторы ссылаются на пример программы Великобритании “Big Society, Not Big State” (“Большое Общество вместо большого государства”). Программа предполагает беспрецедентное сокращение госсектора и передачу значительной части полномочий государства на уровень самоорганизующихся социальных сетей.

согласованной работе (*collaboration*) всех общественных, политических (в том числе государства) и экономических институтов.

В свете сетевой парадигмы интересно взглянуть и на методологическое положение Рубинштейна об участии индивидуумов в формировании нормативного интереса общества [Рубинштейн, 2012, с. 22–24]. Здесь он остается в рамках любимой концепции несводимых интересов. Оговорившись, что последние определяет не какая-то абстракция, а “конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и с существующими институтами”, он вводит категорию “других людей” с “другим поведением” [Рубинштейн, 2012, с. 23]. И вот главное – этими “другими людьми” оказываются небольшое количество избранных индивидуумов, облеченных правом самостоятельно определять нормативные интересы. Грубо пересказано, но смысл именно в этом. И действительно, в современных реалиях сосуществуют обе системы – отбор нормативных ценностей “другими людьми” и выработка общественных приоритетов в результате согласованных социальных взаимодействий. Вопрос только в том, сможет ли общество мирно выйти из этой потенциально конфликтной ситуации.

Все-таки в новейших условиях утверждение, что институты гражданского общества способны уменьшить отклонение общественных интересов, сформулированных политиками, от интересов социума [Рубинштейн, 2012, с. 25], представляется недостаточным. Сами институты пока весьма несовершенны и едва ли способны в их нынешнем виде выполнить эту задачу. В то же время быстрыми темпами оформляется сетевое социальное взаимодействие, вполне способное вырастить собственные институты с собственным пониманием общественных интересов и методов их реализации. Видимо, в сложившейся ситуации необходимо встречное движение традиционных общественно-политических структур и иерархий и интенсивно оформляющегося сетевого сообщества, опирающегося на активный, продвинутый и требовательный “креативный класс”.

Неоклассическая традиция и структура реального капитала

И еще один вопрос. Мы исходили из того, что реляционная методология Рубинштейна при всех ее тонких нюансах остается, тем не менее, в рамках неоклассической теоретической традиции. Данная же статья является попыткой показать наступление на эту традицию новых тенденций, которые несет с собой постиндустриальная экономика. Многого пришлось утрировать, чтобы обратить внимание на агрессивность этого наступления и неизбежность его последствий для теоретического осмысления. Такое осмысление, несомненно, еще впереди. А пока приходится констатировать, что современная реальная экономика, изучение которой явно отстает в последние годы от многих других аспектов теоретического знания, сильно отличается от традиционных макро- и микроэкономических представлений о ней. Акцентируя внимание на постиндустриальных трендах, принципиально важных для модификации экономической методологии социального либерализма, я оставляла без внимания тот факт, что реальная экономика имеет свои “родовые свойства”, недочет которых может привести к искаженным представлениям.

Одно из таких “родовых свойств” – системная структура основного реального капитала, без понимания реакции которого на постиндустриальные импульсы теоретическое представление правильным быть не может. Массовое появление сетевых отношений в обществе и экономике, как было показано выше, связано обычно с современными IT-технологиями и так называемым пятым технологическим укладом. Однако адекватная структура основного капитала в реальном процессе поступательного развития складывается как результат длительного становления и роста. Между тем проблемы расширенного воспроизводства если и исследовались экономической теорией в ходе последних десятилетий, то сводились в лучшем случае к стоимостному аспекту, а закономерности материально-технического базиса, принципы возникновения, расширения и доминирования тех или иных реальных отраслей и производств редко оказывались в сфере научного внимания. Тем самым от этого внимания ускользал фактор неравномер-

ности развития и неоднородности структуры реального капитала, то есть той материальной среды, в которой возникают и действуют экономические агенты, индивидуумы, интегрированные социумы, политические и экономические институты.

Огромная постиндустриальная надстройка над реальным сектором только тогда и будет способна решать свои задачи, когда и если будет опираться на мощный, постоянно обновляющийся реальный капитал. Кстати, в развитых странах постиндустриальная эйфория все-таки не привела к разрушению крупных пластов промышленного капитала даже в 1990-е и 2000-е гг., когда обновление основного капитала было весьма скромным. В свою очередь, недопущение сворачивания основного капитала невозможно без адекватного системного доступа к денежной ликвидности.

Вырисовывается системная картина качественной структуры современного реального капитала. Отрасли реального производства (прежде всего, обрабатывающие) сильно различаются не только из-за накопленного отставания части из них, но и по причине общей логики воспроизводства. Научным интересом к этим закономерностям объясняется, наряду с прочим, ренессанс современного марксоевения⁹. Возникла настоятельная необходимость понять движение денежного капитала и денежного обращения во взаимосвязи с кругооборотом производительного капитала в его материально-вещественной форме. Теоретический мейнстрим обходился без этого, ибо научная парадигма опиралась на хорошо известную и всесторонне описанную рыночную координацию путем ценового механизма рыночного обмена. В постиндустриальной экономике структура материально-технического базиса настолько усложняется, что ограничиваться лишь исследованием “популяции фирм” просто невозможно. Материальной основой общественного воспроизводства является множество подсистем, представленных множеством популяций [Макаров, 1997]. Один из главных отличительных признаков таких популяций – возраст и стадия жизненного цикла основного капитала. Анализ по этому признаку исключает восприятие материального базиса как монолитного и предполагает сосуществование разновозрастных подсистем [Маевский, Малков, 2011].

Материально-технический базис современной экономики, таким образом, представлен разными группами отраслей и производств. Повторю – отраслевая структура зависит не от того, насколько далеко продвинулась экономика по пути постиндустриальных изменений, а от объективно заложенных пропорций новых и старых отраслей и их жизненных циклов. Можно дискутировать о деталях и критериях развитости (или отсталости), но важно главное: в экономике закономерно сосуществуют зоны ценовой и сетевой координации, они не просто параллельно развиваются, а взаимодействуют между собой, обогащая и поддерживая друг друга.

И в этой связи важно понимать, что и реляционная методология теоретического анализа, и ее главные рабочие идеи должны принимать в расчет современную специфику возникающих институциональных пространств. Понимая это, Рубинштейн и говорит о “факторе неопределенности”, “некоторых приближениях интересов общества как такового”. Возмущающее воздействие на нормативный интерес, который “всегда будет отличаться от реальных потребностей социума”, отмечает он, оказывают и интересы правящих элит, и целевые ориентиры правящих партий и коалиций. Возможности демократических институтов гражданского общества, видимо, действительно “способны уменьшить отклонение” [Рубинштейн, 2012, с. 25]. Но это все-таки опять одномерная логика в рамках неоклассической парадигмы. Для нее и сейчас имеется достаточное институциональное пространство. Однако нельзя не видеть встречного движения сетевых структур с их иными принципами общественной и экономической координации. Желательно, конечно, чтобы это встречное движение принесло позитивный результат, но большой уверенности в российских условиях для этого нет. И похоже, сетевая координация в ближайшей перспективе может оказаться сильнее.

---

⁹ Воспроизводство основного капитала в глазах современного исследователя предстает гораздо более сложным процессом, чем его видел Маркс. Теоретический анализ воспроизводства, адекватный современным реалиям, предполагает не только натурально-вещественный аспект, но и стоимостной, который Марксова концепция игнорировала [Маевский, 2010; Маевский, Малков, 2011].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бхаскар Р.* Общества. Социологос. Вып. 1. М., 1991.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика. М., 2000.
- Дежина И.Г., Киселева В.В.* Государство, наука и бизнес в инновационной системе России. М., 2008.
- Дракер П.* Новое общество организаций // Управление знаниями. Хрестоматия. СПб., 2010.
- Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями. М., 2009.
- Катуков Д.Д., Малыгин В.Е., Смородинская Н.В.* Институциональная среда глобализированной экономики: развитие сетевых взаимодействий. М., 2012.
- Маевский В.И.* Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // Вопросы экономики. 2010. № 3.
- Маевский В.И., Малков С.Ю.* Переключающийся режим воспроизводства. М., 2011.
- Майклтуэйт Д., Вулдридж А.* Компания: краткая история революционной идеи. М., 2010.
- Макаров В.Л.* О применении метода эволюционной экономики // Вопросы экономики. 1997. № 3.
- Мизес Л. фон.* Индивид, рынок и правовое государство. Антология. СПб., 1999.
- Ольсевич Ю.Я.* Современный кризис “мейнстрима” в оценках его представителей (предварительный анализ). М., 2013.
- Рубинштейн А.Я.* Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии // Общественные науки и современность. 2012. № 6.
- Смородинская Н.В.* Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // Экономическая социология. 2012. № 4.
- Смородинская Н.В.* Тройная спираль как новая матрица экономических систем // Инновации. 2011. № 4.
- Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, “отношенческая” контракция. СПб., 1996.
- Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. М., 2011.
- Ходжсон Дж.* Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // Вопросы экономики. 2008. № 8.
- Шаститко А.Е.* Теоретические вопросы неинституционализма. Введение в институциональный анализ. М., 1996.
- Andersson T., Hansson E., Schwaag-Serger S., Sorvik J.* The Cluster Policies Whitebook. Malmö, 2004.
- Blank W., Kruger C., Moller K., Samuelsson B.* A String of Competence Clusters in Life Sciences and Biotechnology. ScanBalt Competence Region Mapping Report. 2006.
- Giddens A.* Profiles and Critiques in Social Theory. Basingstoke, 1982.
- Hasumi Y.* Roles of International Organizations and the EU in Governing the Global Economy: Implications for Regional Cooperation in Asia. The Third EU-NESCA Workshop, Korea University. May. 2007.
- Hausman D.M.* Mistakes about Preferences in the Social Sciences // Philosophy of the Social Sciences. 2011. № 41 (published by “Sage”).
- Huxham C.* Theorizing Collaboration Practice // Public Managements Review. 2003. Vol. 5. Issue 3.
- Macneill I.R.* Contracts: Adjustments of Long-term Economic Relations under Classical, Neoclassical, and Relational Contract Law // Northwestern University Law Review. 1978. Vol. 72.
- Porter M.E.* On Competition. Boston, 1998.
- Tapscott D., Williams A.* Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything. New York, 2007.